

ИЗМЕРЕНИЯ КОММУНИКАЦИИ (Идея интегральной коммуникативной теории)

Илья Инишев

1. Экспозиция

Проблема коммуникации — одна из важнейших в современных философских исследованиях. Не только потому, что дефицит межличностного общения на фоне все возрастающей экономической интеграции грозит «дегуманизацией» общественной жизни, что — помимо прочего — подрывает институциональные основы гуманитарных наук, но и в связи с недавно открытым трансцендентальным характером коммуникации, разворачивающейся в среде языка. Это двоякое «политико-гносеологическое», или «онтико-онтологическое преимущество», вопроса о межличностном общении объясняет — с моей точки зрения — сегодняшний интерес к этой теме.

В дальнейшем я рассмотрю в общих чертах ряд теоретических позиций в рамках современной коммуникативной философии, которые мне представляются основными или, по меньшей мере, репрезентативными, дабы затем предложить проект интегральной теории коммуникации, необходимость которой я попытаюсь обосновать.

Но сначала — несколько соображений, касающихся соотношения проблематик коммуникации и интересубъективности.

2. От интересубъективности к интерлокутивности

Выражение «интерсубъективность», с одной стороны, может рассматриваться как обозначение, синонимичное выражению «коммуникация». С другой стороны, «интерсубъективность» выступала (и выступает) в роли понятия, задающего категориальные рамки для осмысления феномена межличностного общения во всех его измерениях: социальном, когнитивном, индивидуально-практическом. Базирующаяся на понятии субъекта идея интересубъективности исподволь внушает нам мысль о субстанциальном (вневременном и пространственном) характере человеческой личности, вследствие чего проблема интересубъективности принимает вид проблемы установления контакта между субстанциями, которую, как известно, невозможно разрешить удовлетворительным образом. Ярчайший пример — концепция интересубъективности, предложенная в феноменологии Гуссерля.

Вследствие того что визуальное восприятие позиционируется Гуссерлем как основополагающий опыт, он не видит большой

разницы между вопросом об основаниях возможности межличностной коммуникации и вопросом об основаниях возможности восприятия телесных объектов как «носителей» чужой субъективности, которая конгруэнтна нашей собственной субъективности во всех основополагающих (т. е. трансцендентально-типических) аспектах. То, что не зрительное восприятие, а коммуникативное употребление речи составляет *основу и медиум* не только специфически «коммуникативного», но и специфически «интерсубъективного» опыта, стало окончательно ясно только после лингвистического поворота в философских исследованиях, произошедшего в первой половине прошлого века.

Необходимость и даже предпосылки этого поворота можно усмотреть в основаниях гуссерлевской феноменологии сознания: в концепции значения, представленной в *Логических исследованиях*. Эта концепция, как известно, тесно связана с критикой психологизма и идеей интенциональности в первоначальной редакции. Если первая разрывает генетическую связь между психологическими процессами и содержаниями мышления, то вторая возводит бытие мыслимого к трактуемым не психологически — и в этом смысле «трансцендентальным» — актам *артикулирующего* подразумевания. Отсюда уже недалеко до герменевтического, или коммуникативного, поворота, который — через утверждение медиально-трансцендентального характера диалогической речи — завершает лингвистический поворот в философии.

Вместе с тем существует несколько версий современной коммуникативной философии, рассматривающей опосредованную языком коммуникацию в качестве базовой, или первичной, формы человеческого опыта. Среди них такие, как философская герменевтика, трансцендентальная прагматика и теория коммуникативного действия. В дальнейшем я попытаюсь — в противоположность распространенному до сих пор «демаркационному» подходу — сблизить эти три концепции и сформулировать на их основе идею интегральной коммуникативной теории. Я начну с изложения «лингвистически-коммуникативной» специфики каждой из этих доктрин, затем перейду к их сопоставлению в перспективе идеи интегральной концепции и закончу социально-теоретическими и экзистенциально-практическими выводами, проистекающими из идеи универсальной коммуникативной теории.

3. Язык как трансцендентальное основание и медиум коммуникации

а) Философская герменевтика

В основе герменевтической трактовки существа языка — в этом философская герменевтика солидарна с трансцендентальной прагматикой и теорией коммуникативного действия — лежит представление о структурной взаимосвязи коммуникативного и языкового аспектов нашего опыта. Понятия языка и коммуникации определяются друг через друга, образуя единый семантический комплекс. Определение существа языка как разворачивается лишь опосредованно — через определение коммуникативного опыта, — который, в свою очередь, имеет языковой характер.

Другими словами, «коммуникативность» и «языковость» выступают в роли взаимозависимых атрибутов, ни один из которых не обладает первенством и не обнаруживается вне связи с другим.

Помимо очевидного круга, в подобной трактовке, как может показаться, таится редукционизм. Герменевтическому тезису о взаимосвязи коммуникации и языка можно противопоставить ряд наблюдений, согласно которым не всякая коммуникация имеет языковой характер и не всякий языковой опыт отличается коммуникабельностью. С одной стороны, существуют невербальные формы общения, такие как жесты и символы, с другой — не всякая речь используется в коммуникативных целях.

Однако специфика позиции философской герменевтики заключается именно в том, что она не только *не* игнорирует пограничные формы языкового и коммуникативного опыта, но, более того, охватывает своими исследованиями трансцендентальные основания межличностной коммуникации. Кроме того, эти основания трактуются как неизменный *содержательный* момент любого коммуникативного опыта.¹ Из этой позиции проистекают следующие важные выводы.

1. Постулируемая философской герменевтикой универсальность взаимосвязи коммуникации и языка подразумевает, прежде всего, расширительное — или даже радикально иное по сравнению с общепринятыми интерпретациями — толкование элементов этого отношения: коммуникации и языка. «Коммуникативный» и «языковой» аспекты должны трактоваться столь широко, чтобы охватывать собой не только все многообразие «стандартных» форм лингвистически-коммуникативного отношения, но и весь спектр пограничных случаев, таких, которые, согласно традиции, не относятся ни к сфере языкового, ни к сфере коммуникативного опыта. Однако подобная «экстенсивность» достижима лишь посредством «интенсивности» интерпретации, которая всерьез принимала бы идею взаимосвязи коммуникативного и языкового аспектов нашего опыта, признавала приоритет (коммуникативно-лингвистического) отношения над его элементами.

2. Идея взаимосвязи коммуникации и языка таит в себе и *методологическую* проблему, которая связана с процессуальным, или «исполнительным», характером коммуникативно-лингвистической сферы. *Тематическое* в этой сфере неотделимо от *перформативного*; подступ к ней осуществляется не созерцательно-теоретическим, а коммуникативно-практическим образом. Условием тематизации коммуникативно-лингвистической сферы оказывается *участие* в фактичном коммуникативно-лингвистическом опыте.² Последнее обстоятельство недвусмысленным образом указывает на *нерегиональный* характер медиально-трансцендентальной коммуникативно-лингвистической сферы.

3. Этот нерегиональный характер — помимо элиминирования теоретико-познавательной постановки вопроса из сферы герменевтической проблематики — индицирует преодоление традиционного, трансцендентально-философского *разделения*³ онтического и онтологического. Феноменальность и трансцендентальность не противопоставляются. Напротив, сами герменевтические феномены имеют *трансцендентальный*

характер. Соответственно, «герменевтический опыт» рассматривается как онтологический, т. е. такой, который делает *зримой* первичную бытийную область, обладающую двумя базовыми чертами. Во-первых, за ней не скрывается никакого «более фундаментального» измерения. Иными словами, она не может быть сведена ни к чему другому. Во-вторых, все прочие сферы и формы опыта выступают по отношению к ней как ее собственные модификации. Кроме того, нерегиональный характер коммуникативно-лингвистической сферы — не только в ее герменевтической, но и в трансцендентально- и формально-прагматической версиях — имплицитно подразумевает отсутствие взаимосвязи фундирования между ее аспектами, или слоями. Это означает, помимо прочего, что «трансцендентальные» основания коммуникативного опыта сами обладают коммуникативной природой. Их «трансцендентальное отличие» заключается, однако, в том, что они, будучи коммуникативными, не являются «коммуникабельными», т. е. не поддаются трансляции в контексте *вербальных* форм межличностного общения.

На всех этапах разворачивания герменевтической концепции опосредованного языком коммуникативного опыта: от до-вербальных форм к вербальным, от эстетического восприятия к герменевтическому диалогу и рецепции письменной речи — всюду наблюдается взаимосвязь трех базовых факторов: универсальности, медиальности и перформативности.

Таким образом, безграничность коммуникативного и языкового аспектов нашего опыта простирается в двух коррелятивных измерениях: вертикальном и горизонтальном. Вертикальное измерение — измерение форм и ступеней «герменевтической предметности»; горизонтальное измерение — измерение форм и ступеней «герменевтического исполнения».

b) Трансцендентальная прагматика

В отличие от Гадамера, понимающего свою герменевтику как лингвистическую трансформацию *онтологии*, Апель формулирует идею трансцендентальной прагматики в контексте трансформации *гносеологии* в аналитику языка. Не условия субъективной *очевидности* познания, а условия его intersubъективной *значимости* становятся для Аделя главной темой «семиотически трансформированной трансцендентальной философии». По Аделю, для конституирования факта познания необходимо, чтобы «очевидность моего созерцания была связана с «языковой игрой» посредством прагматически-семантических правил, т. е. в смысле позднего Витгенштейна возвышалась до «парадигмы» языковой игры»⁴. Только при этом условии субъективная очевидность, доступная лишь индивидуальному сознанию, может быть преобразована в intersubъективную априорную значимость высказываний и иметь статус «априори обязательного познания».

Тем самым, лингвистический и коммуникативный аспекты характеризуют континуум *когнитивного* опыта: от субъективного наблюдения (партикулярного) факта до универсальной констатации значимости. *Практика* аргументации выступает у Аделя, с одной стороны, в роли

связующего звена между индивидуальным созерцанием и intersubъективным высказыванием, а с другой стороны — в роли трансцендентальной предпосылки познания. Легко видеть, что в трансцендентальной прагматике Аделя — как и в философской герменевтике Гадамера — язык и коммуникация, «трансцендентальный идеализм и реализм» опосредуют друг друга. Последним двум соответствуют измерения онтологического и феноменального.

Тем не менее между позициями Аделя и Гадамера существуют и важные различия, которые могут быть разъяснены с двух точек зрения: (1) историко-философской и (2) систематической.

(1) С историко-философской точки зрения трансцендентальная прагматика представляет собой контаминацию теории языковых игр позднего Витгенштейна и концепции «неограниченного сообщества исследователей» Ч. С. Пирса. Философскую герменевтику Гадамера можно квалифицировать как «деонтологизированную» версию феноменологической концепции языка.

(2) В систематическом, или концептуальном, отношении различие между философской герменевтикой и трансцендентальной прагматикой состоит в следующем. Радикальная фактичность и, соответственно, плюрализм и релятивизм витгенштейновской концепции языковых игр, представляющих собой неразрывную взаимосвязь мировоззрения, действия и речи, уравниваются (эксплицитной или имплицитной) нормативностью — и в этом смысле трансцендентальностью, — присущей, по мнению Аделя, любой социально и когнитивно релевантной языковой игре. В роли «идеальной нормы» реальной языковой игры выступает трансцендентальная языковая игра «неограниченного сообщества интерпретаторов», на воплощение которого нацелено любое сообщество, любая (партикулярная) языковая игра. Иными словами, достижение *дискурсивного* взаимопонимания, или рационального консенсуса, образует внутренний телос любой языковой игры, любой формы межличностной коммуникации. По всей видимости, Апель тяготеет к тому, чтобы в конечном итоге свести все формы коммуникативного опыта к *дискурсивному*, или вербальному, опыту. Эта позиция основывается на двух предпосылках.

Во-первых, Апель не в полной мере отдает должное до-рефлексивной природе языковых игр в трактовке Витгенштейна⁵. И, во-вторых, недооценивает до-когнитивные — «мирораскрывающие», креативные и эвкативные — потенции языка, точнее говоря, они отходят для него на второй план в процессе разворачивания внутренне присущей языку рефлексивности. С этой точки зрения трансцендентально-прагматическая версия концепта языковой игры — выражаясь геометрическим языком — оказывается перпендикулярной по отношению к витгенштейновской версии. Если Витгенштейн настаивает на принципиальной множественности языковых игр и невозможности их унификации, то Апель утверждает наличие *нормативно* релевантной «имманентной трансцендентности» в каждой из языковых игр. В отличие от позиции Аделя, позиция Гадамера образует скорее параллель, нежели перпендикуляр к концепции Витгенштейна, поскольку она подчеркивает скорее *консти-*

тутивный, чем регулятивный, скорее онтологический, чем эпистемологический характер опосредованного языком коммуникативного опыта.

Кроме того, трансцендентально-прагматическая концепция языка как (онтологического) лингвистически-коммуникативного измерения наследует от Витгенштейна известную *недифференцированность*, которая дает о себе знать в обоих аспектах: коммуникативном и лингвистическом. Эта недифференцированность отличает ее не только от философской герменевтики, но и от теории коммуникативного действия.

с) Теория коммуникативного действия

Взаимосвязь коммуникации и языка в двойственной функции трансцендентального основания и среды нашего опыта утверждает и Хабермас.^{6,7} В отличие от Апеля, Хабермас трактует медиальный статус языкового опыта не только в эпистемологической, но и в социально-критической перспективе. Язык, с точки зрения Хабермаса, образует среду и финальный элемент (т. е. продукт) не только познавательного, но и социального опыта.

«Концепт коммуникативного действия развивает интуицию, согласно которой языку присущ телос взаимопонимания. Взаимопонимание представляет собой понятие с нормативным содержанием, выходящее за пределы понимания грамматического выражения».⁸

(Прагматический) выход за пределы грамматической плоскости языка обусловлен постулируемой Хабермасом и унаследованной от истинностной семантики взаимосвязью значения и значимости. Формально-прагматическая трактовка этой взаимосвязи, состоящей в том, что смысл речевого выражения может быть *понят* только в том случае, если заключенное в нем притязание на значимость, или истинность, будет удовлетворено, т. е. признано *обоснованным*, расширила спектр конститутивных для понимания значения «притязаний на значимость» за пределы специфически когнитивной сферы.⁹ Коммуникативно ориентированный речевой акт, или иллокуция, содержит в себе комплексное притязание на значимость, состоящее из трех элементов, трех «универсальных» притязаний на значимость: субъективного, нормативного и объективного. Следовательно, коммуникативно используемый язык выступает в роли своеобразной, относительно автономной сферы, наделенной не *синтезирующей* — как у Гадамера и Апеля, — а *координирующей* функцией. Эта функция выражается в том, что осуществляемый в коммуникативной, или перформативной (необъективирующей), установке «речевой акт» обладает структурой, которую Хабермас формулирует следующим образом: «договариваться /с кем-то /о чем-то» (das sich /mit einem Anderen /über etwas Verständigen). Коммуникативно ориентированный речевой акт выступает посредствующим звеном между различными измерениями нашего опыта: измерениями объективного мира, субъективного переживания и intersубъективных норм, — выполняя тройную функцию — репрезентативную, экспрессивную и координирующую. Речь идет о репрезентации объективного мира, выражении субъективных переживаний и координации социального взаимодействия.

Посредническую функцию коммуникативного речевого опыта следует рассматривать и как указание на квазитрансцендентальный статус, находящий свое выражение в «диалектике раскрывающего мир языка и внутримировых учебных процессов»¹⁰. Трансцендентальный аспект позиции Хабермаса состоит в перформативной установке (грамматическим эквивалентом которой является перспектива первого и второго лица), характерной для коммуникативного действия в отличие от действия стратегического. Перформативность здесь означает, прежде всего, необъективируемость, или нерациональность. Измерение, или пространство, в котором разворачивается коммуникативное действие, — это измерение, или пространство, языка. Ограничение трансцендентализма, или *реалистический аспект* в коммуникативной концепции Хабермаса, состоит в прагматическом трансцендировании языка. Это последнее происходит из безусловности притязаний на значимость, содержащихся в коммуникативном речевом акте, нацеленном на координирование *фактических* действий. Заключающиеся в иллокутивном речевом акте безусловные притязания на значимость принимаются или отвергаются на рациональных основаниях, рациональность которых состоит в возможности разворачивания в форме дискурса, аргументации. Таким образом, перформативная установка участников коммуникативного действия — это дискурсивная, или *критическая*, установка.

Последний пункт наиболее ярко демонстрирует оборотную сторону умеренного трансцендентализма, или «кантианского прагматизма», Хабермаса. Эта обратная сторона находит выражение в том, что в теории коммуникативного действия участник опосредованной языком интеракции занимает своеобразную «промежуточную» позицию, которую, строго говоря, следовало бы охарактеризовать как квазиперформативную. Дело здесь в том, что перформативная установка участника коммуникативно ориентированной и опосредованной языком интеракции уравнивается объективистскими импликациями критики притязаний на значимость, конституирующих «семантику» и «грамматику» любого коммуникативного действия. Иными словами, *коммуникативное действие отличается от перформативного не отсутствием объективации, а лишь ее характером*. Ибо очевидно, что невозможно критиковать (пропозициональное, нормативное, экспрессивное) содержание высказывания, не делая при этом само высказывание темой.

d) Резюме

Подведем предварительные итоги.

(1) «Коммуникативным поворотом» в философии завершается «лингвистический поворот». Переход от монологического к диалогическому, соответственно, коммуникативному использованию языка — важный этап на пути десубстантивации, соответственно, десубъективации философии.¹¹ К числу основных черт современной коммуникативной теории относится конгруэнтность коммуникативного и лингвистического аспектов.

(2) «Коммуникативный поворот» ведет к *тематическому* сдвигу. На место классической — онтологической и гносеологической — проблема-

тики заступает конвергенция социально-теоретических, эстетических и философско-практических постановок вопроса. При этом данная трансформация первоначальной философской тематики не означает отказа от «универсалистских притязаний», характерных для классических философских исследований. Сама трактовка философского универсализма претерпевает существенные изменения.¹²

(3) Помимо тематических трансформаций следует отметить и *институциональные* трансформации, непосредственно связанные с «коммуникативным поворотом» в философских исследованиях. Коммуникативная философия – ввиду постулируемой взаимосвязи перформативного и тематического аспектов¹³ – обнаруживает имманентную склонность к выходу за пределы эпистемологической и теоретической сфер. Каждая из трех рассматриваемых нами концепций тяготеет к ревизии традиционной трактовки соотношения теории и практики. *Философская герменевтика* утверждает в качестве локуса современного философствования медиально-трансцендентальную сферу, расположенную по эту сторону традиционного разделения теории и практики. *Трансцендентальная прагматика* разрабатывает идею диалектического опосредования понимания и объяснения, знания и действительности. *Теория коммуникативного действия* наделяет философию функцией интерпретатора, организующего каналы общения между повседневными и экспертными культурами.

(4) Все три коммуникативные концепции – в отличие от аналитической философии – рассматривают коммуникативно используемый язык не только как (трансцендентальное) *основание*, но и как медиум, или *пространство* коммуникации. Пересечение двух перспектив – перспективы фундамента и перспективы пространства, онтологии и феноменологии¹⁴ – указывает не только на коренное преобразование классического трансцендентализма, но и на релевантность его трансформированных версий для постметафизических постановок вопроса.

(5) В роли одного из важнейших критериев для сопоставления основных – и уже только поэтому комплементарных – версий коммуникативного философствования выступает соотношение тематического и нетематического. Степень тематичности языка в контексте коммуникативного опыта индицирует ту позицию, которую данный тип коммуникации занимает в спектре возможностей, задаваемом двумя полюсами: трансцендентальным и феноменальным.

4. Измерения взаимопонимания

Теперь я перейду к краткому изложению основных элементов идеи интегральной коммуникативной теории.

а) Предпосылки

Базовая предпосылка идеи универсальной (т. е. интегральной) философской теории коммуникации заключается в следующем: весь наш опыт – не только социально-коммуникативный, но и индивидуально-чувственный – характеризуется принципиальной диалогичностью. Диалогич-

ность выступает в роли формальной структуры, которая требует конкретизации (расформализации) в каждом отдельном случае. В случае восприятия природы, искусства или любого артефакта диалогичность состоит в том, что реципиент не вступает в «отношение» к чему-то данному в роли субъекта, но сам «конституируется» вследствие того, что он всякий раз оказывается «затронут» («аффицирован», как выразился бы Кант) соответствующим контекстом, или ситуацией, требующей от него незамедлительной реакции. Эта реакция имеет структуру ответа. В рамках этого вопросно-ответного отношения формируется не просто определенная «установка» воспринимающего, но сама *феноменальность*, которая имеет структуру смыслового, т. е. артикулированного, *целого*. Этот «эпифанический», или онтологический, характер остается принципиальным условием возможности, пространством и нетематическим фоном других – словесно-языковых – форм диалога: научно-теоретического (Апель) и социально-практического (Хабермас) дискурсов.

Категориальную матрицу для построения интегральной концепции коммуникации образует классификация форм диалога, приведенная Гадамером во второй части его программного герменевтического труда *Истина и метод*.¹⁵ Из этого вовсе не следует, что герменевтическая концепция диалога выступает в роли интегрального *основания* для построения универсальной коммуникативной теории, поглощая альтернативные перспективы. На это указывает уже то обстоятельство, что сама герменевтическая концепция диалога репрезентирует только *одну* из трех основных форм.

б) Структура

Эти три основные формы intersubjectивного отношения, которые можно условно обозначить как «объективистская», «субъективистская» и «медиальная», не только образуют ступени, или *измерения*, коммуникативного опыта, но и задают его *структуру*. Трех формам коммуникативно-лингвистического отношения соответствуют три измерения коммуникативного опыта: социальная интеракция, экспертный дискурс и межличностный диалог. Эти три измерения отражают структуру всего коммуникативного опыта, который *in extenso* охватывается тремя основными концепциями. Структурообразующий фактор здесь заключается в том, что каждая из форм коммуникативного отношения не только противопоставляется двум другим, но и включает их в себя как собственное *основание* и как собственный *горизонт*.

Например, для «экспертного дискурса» «социальная интеракция» и «межличностный диалог», с *одной стороны*, составляют *основания* его *возможности*, поскольку экспертное обсуждение возможно лишь благодаря коммуникативным *предпосылкам* социальной интеракции и онтологическим *импликациям* подлинного (межличностного, или герменевтического) диалога. С *другой стороны*, «социальная интеракция» и «межличностный диалог» – перспективы самого «экспертного дискурса», которые реализуются в зависимости от того, в каком направлении он развивается: в направлении тематического, эксплицирующе-

го обсуждения «самой вещи» или в направлении обсуждения форм и средств коммуникации. В каждом из этих случаев меняется структура коммуникативного опыта, которую, в отличие от «вертикального» характера структурной взаимосвязи трех форм коммуникативного опыта, можно обозначить как «горизонтальную», поскольку она выражает не структурную взаимосвязь этих трех форм, а внутреннее (т. е. структурное) единство каждой из них.

Горизонтальная структура состоит во взаимосвязи трех элементов: (1) самосознания субъекта коммуникации, (2) тематического предмета и (3) языковой среды коммуникативного опыта. Соотношение *модальностей* этих трех элементов обуславливает специфику каждой из трех основных форм коммуникативного опыта.

i) Межличностный (герменевтический) диалог

(1) Самосознание участников герменевтического диалога трансформируется в «новую общность, в которой они не остаются тем, кем они были».

(2) Тематический предмет обнаруживает себя в своей истине, т. е. испытывается участниками диалога в своем существе.

(3) Этот опыт самосознания, предмета и общности разворачивается в нетематической среде языка.

В этих модальностях структурные элементы отличаются, с одной стороны, *конгруэнтностью*, а с другой — *нетематичностью*, которая парадоксальным образом коррелирует с «эпифаническим», или *первично-раскрывающим*, характером этого коммуникативного опыта.

ii) Экспертный дискурс

(1) Участники дискуссии осознают себя в перспективе собственной *рефлексивной* позиции, т. е. в перспективе противопоставления себя Другому, следовательно, при условии известной объективации (соответственно, регионализации) себя и Другого. Однако эта объективация инициируется и развивается только тогда, когда не удастся сохранить первоначальный консенсус, который априори предполагается самой структурой экспертного, или *коллегального*, дискурса. Таким образом, самосознание субъектов экспертного дискурса по большей части по-прежнему определяется из горизонта соответствующего сообщества. Однако это уже не сообщество «историчных личностей», а «неограниченное сообщество исследователей».

(2) Тематический предмет также предполагает возможность известной внеязыковой объективации. Но несмотря на то, что речь здесь идет об «объекте», его объективность удостоверяется не в рамках субъективной интуиции, а в рамках интересубъективной практики аргументирования.

(3) Язык выступает здесь в форме фактической языковой игры, ориентированной на воплощение нормативного идеала «трансцендентальной языковой игры». Иными словами, язык по-прежнему трактуется как среда коммуникативного опыта, несмотря на то что в этом случае уже говорится о необходимости ее нормативного *трансцендирования*.

iii) Социальная интеракция

(1) Участники интеракции — носители социальных функций. Их субъективность и присущая им форма общности организуются в соответствии с образцами, зафиксированными в социальных институтах и культурной традиции.

(2) Отношение к тематическому предмету осуществляется в рамках решения задач по координированию совместных действий. Это превращает отношение к миру лишь в один из «тематических аспектов» наряду с аспектом «субъективной искренности» и «нормативной правильности».

(3) Язык выполняет при этом *координирующую* и *интегральную* (*рационализирующую*) функции, переставая быть лишь *средой* коммуникативного опыта.

с) Универсальность

Таким образом, *универсальность* коммуникативного измерения, а следовательно, и интегральной коммуникативной теории, основывается на различных формах взаимосвязи его аспектов: социального, когнитивного, этического и антропологического. Взаимосвязь этих аспектов — эффект коммуникативно используемого языка. Следовательно, интегральная коммуникативная теория невозможна без интегральной коммуникативной концепции языка, которая, помимо прочего, способна предоставить основание для синтеза различных версий коммуникативной стратегии в социальной теории (например, подходов Хабермаса и Хоннета).¹⁶

Помимо данного — «интенсивного» — аспекта универсальности коммуникативного измерения, соответственно, философской коммуникативной теории, существует и «экстенсивный» аспект. Иными словами, универсальность философской коммуникативной теории проистекает из ее интегральности, которая включает в себя два уровня, или измерения: с одной стороны, (1) интегральность *структурных моментов* коммуникативного опыта, с другой стороны, (2) интегральность различных *форм* его исполнения.

Последний аспект поясняет, в чем именно состоит интегральный характер предлагаемой концепции коммуникации. Три базовые формы коммуникативного опыта и, соответственно, три описывающие их концепции, несмотря на (горизонтальные) структурные различия и (вертикальную) структурную взаимосвязь, не соотносятся друг с другом *иерархически*. Каждая из трех форм опыта не может быть изолирована от двух других (см. пункт б) и не может быть предпочтена в каком-либо отношении. Аналогичная форма *открытости* требуется и от описывающих концепций, из чего следует, что интегральная, или универсальная, философская концепция коммуникации не может быть образована путем простого суммирования трех имеющихся «партикулярных» концепций. Таким образом, речь здесь идет не о количественном, а, скорее, о *качественном* приросте.

5. Выводы и перспективы

В заключение я хотел бы извлечь несколько выводов из идеи интегральной коммуникативной теории и наметить ряд перспектив (возможного) последующего развития.

Прежде всего, мне хотелось бы подчеркнуть проективный и, следовательно, схематичный характер представленной интегральной концепции. Схематичность состоит здесь не столько в том, что, возможно, учтены не все эмпирически наблюдаемые формы межличностной коммуникации, сколько в том, что в опыте, как правило, мы имеем дело не с идеально-типическими, а гибридными формами коммуникативного отношения. Доминирование гибридных форм — следствие того обстоятельства, что три вышеописанных вида коммуникации рассматриваются не только как «идеальные типы» или различные формы диалогического отношения, но и как структурные компоненты единого коммуникативного опыта, для которого полюсы «эпифанического» и «тематического» — его собственные возможности.

Кроме того, конгруэнтность трансцендентального и эмпирического (онтологического и феноменального) заключает в себе и *социально-теоретические* следствия, среди которых необходимо назвать, в первую очередь, такие, как:

1) пересмотр философских (лингвистически-теоретических) оснований коммуникативной парадигмы в социальной теории;

2) расширение «феноменальной базы» коммуникативно ориентированной социальной теории за счет невербальных (и, тем не менее, языковых) форм интеракции;

3) коррелятивность «филогенетической» и «онтогенетической» перспектив: принятие во внимание *структурной* взаимосвязи межличностной и социальной интеракции, которую следует рассматривать как структурную взаимосвязь онтологического и феноменального.¹⁷

Что касается *философски* релевантных выводов из идеи интегральной коммуникативной теории, то речь здесь может идти как о трансдисциплинарных и внеинституциональных (т. е. практических) импликациях коммуникативно ориентированной философии, так и о ее инновационном потенциале в области современной философии языка.

В качестве перспектив интегральной коммуникативной теории мне видится, например, следующее:

1) актуализация коммуникативной парадигмы в социальной теории;

2) расширение категориальных и тематических рамок коммуникативно ориентированной социальной теории; вовлечение в сферу «традиционной» коммуникативной теории иных постановок вопроса, прежде рассматривавшихся исключительно в качестве альтернативных;

3) разработка транс- и междисциплинарного потенциала интегральной коммуникативной теории;

4) пересмотр традиционного институционального статуса философии ввиду взаимосвязи «тематического» и «перформативного», постулированной в интегральной коммуникативной теории.

Примечания

¹ Это один из тех пунктов, в отношении которых рассматриваемые нами концепции демонстрируют единодушие. Все три трактуют коммуникативный поворот в философии как трансформацию трансцендентализма. При этом «трансцендентальное» основание всего нашего опыта перемещается в средоточие этого опыта, становясь вместе с тем неотъемлемой частью его содержания. В этом смысле, используя выражение Хабермаса, можно говорить не только о прагматической, но и о герменевтической «дефляции кантовского начинания». Необходимо заметить, что «содержательность» здесь трактуется по-разному: от «пропозициональной» у Гадамера до «структурной» у Хабермаса.

² Об этом методологическом затруднении говорится уже в первых лекционных курсах Хайдеггера, в которых делаются первые наброски к проекту феноменологической герменевтики. «Фактическая жизнь» как предметное поле герменевтических исследований, будучи стихией опыта, не поддающейся объективации, требует иных, нетеоретических, «способов подступа». Так, например, в лекционном курсе «военно-экстренного семестра» Хайдеггер характеризует феноменологический «принцип принципов» как «изначальную интенцию жизни вообще, изначальную позицию переживания и жизни как таковых, [как] абсолютную, с самим переживанием идентичную *симпатию к жизни*» (GA 56/57, S. 110).

³ Речь идет о преодолении разделения, но не различения этих измерений.

⁴ Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. Bd. 2. Frankfurt/M., 1993, S. 222.

⁵ У Витгенштейна, на мой взгляд, наблюдается интерференция двух перспектив: перспективы до-рефлексивной *интеграции* в языковое сообщество и перспективы *коммуникации* в нем.

⁶ «Медиум естественного языка и телос взаимопонимания взаимно интерпретируют друг друга. Один не может быть объяснен без ссылки на другого» (Habermas J. *Nachmetaphysisches Denken*. Frankfurt/M., 1988. S. 66.).

⁷ «Возможно, знание мира лишь висит на длинной цепи оснований как знание языка» (Habermas J. Op. cit. S. 81).

⁸ Ibid. S. 75.

⁹ Примечательно, что в программной статье 1976 года, в которой излагается идея универсальной языковой прагматики, Хабермас называет в качестве условия взаимопонимания признание не трех, как в более поздних работах, а «четырех корреспондирующих притязаний на значимость: понятность, истина, правдивость и правильность». При этом понятность характеризуется как «единственное универсальное притязание, которое может быть реализовано имманентным языком образом» (Habermas J. *Was heißt Universalpragmatik?* In: Habermas J. *Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt/M., 1984. S. 355, 389.) В дальнейшем остаются только три последних (трансцендентных языку) притязания, признание которых составляет условие возможности не только взаимопонимания, но и понятности. Интересно, что для Гадамера «прагматическое измерение коммуникации» — аппликативный аспект понимания — остается имманентным языку.

¹⁰ Habermas J. *Kommunikatives Handeln und detranszendentalisierte Vernunft*. Stuttgart, 2001. S. 9.

¹¹ «Коммуникативный поворот» выполняет в этом отношении двойную функцию. С одной стороны, он преодолевает гипостазирование языка, характерное, например, для раннего Витгенштейна, а с другой — «децентрирует» субъективность, помогая вместе с тем структуру нашего опыта.

¹² Я бы предложил различать здесь *тематический* и *рефлексивный* универсализмы. Если первый характеризует претензию традиционной философии, или метафизики, на познание *тоotalности* сущего, то второй указывает на аналитическую и *интегральную* функции философствования в постметафизическую эпоху.

¹³ Универсальность коммуникативного аспекта обнаруживает себя и в перформативности, или автореферентности, коммуникативной теории, которая состоит в том,

что исследование или тематизация коммуникативно-лингвистической сферы являются формой ее исполнения.

- ¹⁴ Известно, что еще ранний Хайдеггер, например, в *Бытии и времени* отождествлял феноменологию и онтологию. Тем не менее бытие рассматривалось им в кантовской перспективе — в горизонте вопроса об «условиях возможности» человеческого опыта. Это толкование подтверждается и тем обстоятельством, что временное (антиметафизическое) определение оказывается здесь основополагающим для бытия человека, но не для «бытия вообще». Рудименты кантовского трансцендентализма исчезли только в позднем творчестве Хайдеггера, в его так называемый «бытийно-историчный» период, когда он уже не рассматривает бытие как фундамент, а подчеркивает взаимосвязь — и в этом отношении, равнозначность — сущего и бытия. Этот тематический сдвиг, эквивалентный исследуемым здесь постановкам вопроса, Дж. Ваттимо обозначает как «слабую онтологию» (Vattimo.G. *Das Ende der Moderne*. Stuttgart, 1990. S. 93). Я же предпочел бы говорить здесь о задачах раскрытия, репрезентации и освоения медиально-трансцендентальной сферы.
- ¹⁵ Эту классификацию Гадамер вводит в контексте разъяснений понятия герменевтического опыта (Gadamer H.-G. *Gesammelte Werke*, Bd. 1. Tübingen, 1999. S. 352–368). Эти разъяснения включают в себя две части: историческую и систематическую. В исторической части Гадамер, ссылаясь на тексты Аристотеля, Гегеля и Эсхила, называет три основные черты герменевтического опыта, который рассматривается им как выражение существа опыта человека: 1) принципиальная открытость опыта для другого опыта, 2) его негативность и 3) характерное для него понимание (Einsicht). В систематической части Гадамер рассматривает три названные в истории мысли и литературы характеристики опыта в качестве *структурных* элементов. Парадигмой анализа здесь выступают различные ситуации межличностного диалога: различные формы отношения «я — ты». Среди них: 1) «знание людей», 2) обмен мнениями и 3) «подлинный диалог». Структурная взаимосвязь трех элементов выступает у Гадамера и в роли критерия, позволяющего оценить различные формы коммуникативного опыта с моральной и коммуникативно-теоретической точек зрения. «Неподлинные» формы диалога отличаются от «подлинной» тем, что в них наблюдаются различные типы деградации триединой структуры.
- ¹⁶ В основании этого тезиса лежит предположение о том, что критика Хоннетом «лингвистически ориентированной» коммуникативной концепции Хабермаса базируется на «признании» образцового характера хабермасовской концепции языка.
- ¹⁷ Мне кажется, что предложенный мной подход позволил бы по-иному взглянуть на соотношение позиций таких социальных теоретиков, как Касториadis и Хабермас.